

Мацюк Д.А., Симуканова Г.С.,
Нуралина Б.А.

Проблема оправдания массового насилия в истории

В данной статье осуществляется социально-философский анализ оправдания массового насилия в истории человечества с эпохи первобытных обществ до наших дней. По нашему мнению, проблема оправдания массового насилия берет свои истоки с периода архаичного первобытнообщинного строя. Именно тогда насилие было ответной реакцией индивида на вызовы ежедневных опасностей как со стороны соплеменников, так и со стороны соседей. С течением тысячелетий, уже в период рабовладельческой истории социальное насилие стало обретать массовый характер. Так рабовладельческие цивилизации Древнего Востока (Египет, Вавилон, Индия, Китай) воздвигли угнетение широких слоев рядовых земледельцев в ранг государственной политики. Именно с этого времени происходит оправдание массового насилия, направленного на поддержание рабовладельческого государственного механизма. Страны же античности (древняя Греция и Рим) сумели приложить оправдание массового насилия в сферу межгосударственных отношений, положив начало эпохе крупных завоевательных войн. Средние века (V-XV вв.) ознаменовали собой небывалый разгул массового насилия, активно подпитанного действиями монархов (закрепощение крестьян, увеличение налогов) и католической церкви (крестовые походы, инквизиция). Вместе с тем, массовое насилие уже не имело такого хаотичного характера как в предыдущие эпохи.

Ключевые слова: агрессия, социальное насилие, карательные меры, легитимность, революция, принуждение, мировая политика, терроризм.

Matsyuk D.A., Simukanova G.S.,
Nuralina B.A.

The problem of acquittal of mass violence is in the history

In this article the socially-philosophical analysis of acquittal of mass violence comes true in history of humanity from the epoch of primitive societies to our days. To our opinion, the problem of acquittal of mass violence takes the sources from the period of the archaic primitive communal system. Exactly then violence was the return reaction of individual on the calls of daily dangers both from the side of fellow tribesmen and from the side of neighbours. With flow of millenniums, already in the period of slave-holding history social violence began to find mass character. So slave-holding civilizations of Ancient East (Egypt, Babylon, India, China) erected oppressing of wide layers of ordinary farmers in the grade of public policy. Exactly thereafter there is acquittal of the mass violence sent to maintenance of slave-holding state mechanism. The countries of antiquity (ancient Greece and Rome) managed to attach acquittal of mass violence in the sphere of intergovernmental relations, putting beginning of epoch of large aggressive wars. Middle ages (V – XV c.) marked by itself the unprecedented raging of the mass violence actively fed by the actions of monarchs (enslaving of peasants, increase of taxes) and catholic church (cross hikes, inquisition).

Key words: aggression, social violence, punitive measures, legitimacy, revolution, compulsion, worldwide policy, terrorism.

Мацюк Д.А., Симуканова Г.С.,
Нуралина Б.А.

Тарихтағы жаппай зорлық-зомбылықты ақтау мәселелері

Мақалада адамзат тарихындағы жаппай зорлық-зомбылықты ақтаудағы әлеуметтік-философиялық талдау жасалынады. Біздің ойымызша, адамзат тарихында зорлық-зомбылықты ақтау өзінің түптамырын көне алғашқы қауымдық кезеңінен алады. Дәл сол кезде зорлық-зомбылық өз тайпаластары мен көршілері тарапынан болатын күнделікті өмірдегі қауіп-қатерлерге беретін пенденің жауапты реакциясы болған. Мыңжылдықтар бойы, яғни құлиеленушілік дәуірінде әлеуметтік зорлық-зомбылық бұқаралық сипатқа ие бола бастады. Ежелгі Шығыстың (Мысыр, Вавилон, Үндістан, Қытай) құлиеленушілік өркениеті қатардағы егіншілердің қалың көпшілігін қанауды мемлекеттік саясат дәрежесіне орнатты. Міне, дәл сол кезден бастап жаппай зорлық-зомбылықты ақтаумен мемлекеттік құлиеленушілік механизмін қолдау туындаған.

Түйін сөздер: агрессия, әлеуметтік зорлық-зомбылық, жазалау шаралары, легитимділік, революция, зорлық, әлемдік саясат, терроризм.

**ПРОБЛЕМА
ОПРАВДАНИЯ
МАССОВОГО
НАСИЛИЯ В ИСТОРИИ**

Так устроен мир, что ежедневно в средствах массовой информации мы узнаем об очередном теракте, кровавом государственном перевороте, массовой казне, экономических санкциях, дипломатической изоляции того или иного государства и т.д. И, казалось бы, что любой телеканал стремится все с большей пестротой преподнести зрителю очередную порцию массового зла, тем самым привлечь нас к рекламе, за счет которой финансируются медиа-организации. В то же время разгул массового насилия есть объективный процесс, который с каждым годом все больше увеличивается в своих масштабах и совершенствует свои технические приемы.

Насилие, несмотря на свою нравственно-негативную сущность, оказалось прочно вплетенным в ткань общественных отношений. Социальная опасность данного феномена состоит в том, что насильственные действия при перераспределении благ способны нарушить гармонию общественных отношений. Учеными установлено, что основу любого насилия составляет, прежде всего, человеческая агрессивность. Хочется сразу внести ясность того, что понятия «агрессивность» и «насилие», несмотря на свою схожесть, вместе с тем не являются однородными. С чем это связано? Во-первых, агрессия является природной заданностью, которая во многом предохраняет человека в качестве живого организма от естественных воздействий. Во-вторых, агрессия подобно внутренней энергии человека, имеет два основных пути своей практической реализации: рациональные способы деятельности (например, в творчество), и девиантное поведение (аморальное поведение, преступная деятельность, содержанием которых и является насилие). Таким образом, насилие являет собой агрессию, однако не всякая агрессия есть насилие.

Индивидуальные и коллективные формы насилие одинаковы по содержанию, но разнятся по степени социальной опасности и масштабам распространения. Под коллективным насилием мы будем подразумевать «использование насилия людьми, которые считают себя членами группы – созданной на время или относительно постоянной, в качестве орудия против другой группы или круга лиц, чтобы добиться политических, экономических или социальных целей» [1, с. 223].

Если общество ежедневно встречается с единичными формами социального насилия (убийствами, кражами, грабежами, драками и т.д.) – это вполне привычная ситуация. Но если насилие приобретает массовый характер, то это создает угрозу функционированию благополучного социального механизма. Такое общество всегда будет погружено в страх, в усомнение эффективности государственных институтов, в желании следовать нормам закона, и наконец, в желание использовать собственное насилие как ответную реакцию перед вызовом массового зла. Поэтому вполне логично, что насилие имеет многовековую историю и является созвучием истории рода человеческого, поскольку борьба социального добра и зла, гуманизма и антигуманизма, насилия и ненасилия составляют борьбу противоположностей, которая рождает объективное содержание всемирно-исторического процесса. В различные исторические эпохи социальное насилие имело специфические формы проявления, которые находили свое политическое, экономическое и культурное оправдание. И было бы ошибкой считать социальное насилие рудиментом человеческой истории. Более того, в течение веков оно все более увеличивалось и совершенствовалось по средствам изобретения соответствующих убийственных орудий. Так, «со времен палеолита деструктивность оружия (от каменного топора до ядерной боеголовки) возросла в энергетическом выражении на 12–13 порядков» [2, с. 9].

На ранних этапах зарождения человеческого коллектива (в эпоху первобытнообщинного строя), социальная жизнь была целиком наполнена опасностями как природного характера (угроза нападения диких животных, природные катаклизмы, увечья и даже смерть в период охоты), так и социального (нападения чужаков, опасность пересечения чужих владений, дикарские законы в межличностных отношениях и т.д.). Первобытному стаду вообще были чужды нормы цивилизованных человеческих отношений, поэтому насилие как таковое было неотъемлемым атрибутом его повседневной жизни и не рассматривалось сквозь призму ценностных ориентиров. Агрессия была тем средством, с помощью которого древний человек мог противостоять своим не менее агрессивным соплеменникам. «Чужих следовало опасаться, убийство чужака в первобытном обществе не считалось преступлением» [3, с. 69]. Поэтому агрессия позволяла защитить свою семью, свой ареал охоты и собирательства, а вместе с тем показать другим

индивидам свое умение противостоять опасностям. Даже современные самцы шимпанзе с помощью устрашающей мимики демонстрируют другим особям готовность к агрессивным действиям при дальнейшем к нему приближении.

Вместе с тем агрессия, проявляемая в каждодневной практике первобытного человека, рождала социальное насилие, имеющее уже не стихийный характер, а целенаправленный мотив. Так, древнем обществе, вождь, вооружившись навыками социального насилия, демонстрировал свой авторитет перед менее слабыми сородичами, что позволяло ему иметь над ними власть. Вместе с тем насилие вожака не всегда имело отрицательный характер. В период длительного течения веков власть первобытных вождей трансформировалась, насилие стало проявляться не хаотично, а в необходимых моментах и с одобрения рядовых членов, что придавало данному насилию оправданный характер. Так зарождалась первобытная власть, основанная на неприкосновенном авторитете вождя.

Таким образом, первобытная эпоха демонстрирует нам две формы насилия: первая – насилие со стороны рядовых членов общины (как ответная человеческая реакция на первобытные угрозы со стороны соседей или агрессивных особей внутри коллектива), и второе – насилие, исходящее от вождей (как зачатки проявлений архаичной политической власти). И та и другая формы соседствовали друг с другом, внося явление социального насилия в норму общественного поведения тех времен. И говорить об оправданном применении силы не приходилось, поскольку тогда еще не было системы выработанных морально-этических норм. Насилие не вычленилась из структуры массового поведения. Возможно, некоторые члены общины где-то в глубине души и не поощряли насилие соплеменников, но понимали, что право на выживание будет иметь только сильнейший. Первобытное сознание также понимало тот факт, что применение силы вождем было необходимостью в условиях каждодневной массовой агрессии и отсутствия системы законодательства.

Следующим этапом мировой истории явился период рабовладельческого строя, ознаменовавший собой начало крупномасштабного проявления социального насилия. «Копье и лук превратились из орудий производства (охоты) в средства достижения политических целей» [4, с. 161]. Родовая верхушка усмотрела в осуществлении насилия не только метод упрочнения своей власти, но и способ ее распространения на

более отдаленные территории. Безусловно, соплеменникам необходимо было показать необходимость данных мер. Поэтому первые рабовладельческие цивилизации Древнего Египта, Вавилона и Китая воздвигли угнетение широких слоев рядовых земледельцев в ранг государственной политики.

Так, на первых порах своего зарождения египетской рабовладельческой машины социальное насилие явилось орудием организации массовых ирригационных работ, приносивших сильным членам общины излишки продукции земледелия. С веками грубая сила вождей стала обретать узаконенный характер и трансформироваться в неограниченную власть жрецов и фараонов, чья воля преподносилась в качестве божественной необходимости. Народ словно зомби подчинялся подобному рода законам. Более того, в расчет никогда не брались потребности рядового населения, чьи многотысячные массы бросались на рабское строительство пирамид, поливных каналов, городов, крепостей и на многочисленные войны. Насилие было вплетено в повседневную жизнь того общества. Оно не рассматривалось как некая социальная девиация, которую необходимо преодолеть. Более того, социальное насилие виделось как эффективное средство консолидации разрозненных групп земледельцев и ремесленников в жесткие рамки рабовладельческой машины. И там, где зарождались призывы к независимой жизни от государственных карателей, происходили различного рода восстания, которые в большинстве своем топились в море крови. Именно поэтому карательное насилие чиновников нацеливалось на жесткое подчинение законам государства.

Невозможно обойти стороной проявление массового насилия в рабовладельческих обществах Древней Греции и Рима. Именно античная государственная машина, основанная преимущественно на массовом насилии, породила классические образцы тирании, олигархии, охлократии. Античный рабовладельческий мир, в отличие от восточного, сумел не только легализовать право на угнетение собственных народов, но и расширить его географические рамки далеко на Восток (к примеру, завоевательные походы Александра Македонского), придав своей рабовладельческой сущности законодательный характер. Древний Рим в легализации массового насилия шагнул еще дальше: созданная им империя раскинулась на три континента (Европу, Азию и Африку). Рабский труд в течение веков был основой экономики этого государства.

Древний Рим был супердержавой того времени, который также как современные США с позволения своего Сената, осуществлял закабаление соседних государств, выкачивал из них материальные и людские ресурсы и рассматривал свою внешнеполитическую деятельность как вполне справедливую и отвечающую потребностям своего общества.

Однако подобного рода социальное насилие в течение веков обнажило свою губительность: рабский труд, основанный на каждодневном угнетении, не давал ожидаемых экономических результатов. Это привело к его малоэффективности (рабы намеренно портили орудия труда, халатно относились к различного рода работам, одним словом – они не были заинтересованы что-либо делать). На смену приближался труд крестьян эпохи средних веков. Несмотря на это оправдание массового насилия уже не ограничивалось рамками отдельно взятого государства. Оно стало выходить на уровень межгосударственных отношений. Рабский труд изжил себя только в том смысле, что он не удовлетворял все возрастающих appetites властвующей элиты. Поэтому умелое использование массового насилия как инструмента политического и экономического доминирования не потеряло своей жизненной силы в дальнейшем.

Социальное насилие проявило себя с особой жестокостью в средние века. Именно под его воздействием происходил процесс разложения родоплеменных отношений у европейских народов вследствие трансформации института родовых вождей и их дружины в госаппарат со свойственными ему административно-карательными функциями.

Однако процесс легитимации социального насилия со стороны правящих феодальных слоев имел определенные отличия от предыдущего рабовладельческого периода по ряду причин:

- во-первых, с увеличением численности населения увеличивалось количество фактов захвата одной группы населения территории другой, а вместе с тем, число свободных общинников уменьшилось. В этой связи именно они целенаправленно шли к сеньорам в качестве зависимого населения во избежание варварских нападений со стороны агрессивных соседей;

- во-вторых, попадая в вассалитет, вчерашние свободные люди становились объектом такого вида социального насилия, как экономическое закабаление (барщина, оброк, уплата денежного налога и т.д.). Только в этом случае им могла гарантироваться безопасность;

– в-третьих, социальное принуждение со стороны сеньоров не имело столь неограниченные границы, как в период рабовладения, поскольку регулярное увеличение налогов создавало социальную напряженность в феодальной вотчине (крестьянские восстания, городские бунты и т.д.);

– в-четвертых, феодальная система управления, требовавшая все больше и больше средств на ведение захватнических войн, осознавала несовершенство лишь налогового гнета. В этой связи вырабатывались новые способы изыскания денежных средств (например, развитие торговли, колонизация новых земель в ходе Великих географических открытий, развитие первых мануфактурных производств и т.д.);

– в-пятых, проявление социального насилия в лице средневековой государственной машины имело ярко выраженный религиозно-политический характер, по средствам которого осуществлялась как борьба с местной оппозицией (в лице еретиков в ходе инквизиции), так религиозно оправданные набеги на восточные страны (в ходе многочисленных крестовых походов). «Религиозное насилие, – выражаясь словами В.И. Красикова, – считалось богоугодным делом, и это было тем «идеологическим пиаром», который хорошо прикрывал индивидуальные амбиции и алчность в условиях, когда долгое время именно церковь была единственной универсальной авторитетной инстанцией – носителем «общечеловечности» (своего рода морально-идеологической ООН тех времен)» [5, с. 89].

Эпоха Нового времени (XVII-XIX вв.) с качеством новых позиций осуществила процесс оправдания социально-политического насилия. Классическими проявлениями данного хронологического периода европейской истории явились буржуазные революции как ответ на изживающую себя феодальную систему управления. Именно в ходе революционной борьбы нарождающийся новый класс промышленников и предпринимателей применил социальное насилие в качестве меры по низвержению старой власти. Или как писал В.В. Денисов, выражаясь марксистской терминологией: «Насилие выступает в роли «повивальной бабки», к услугам которой прибегают для разрешения классовых и этнических антагонизмов, революционной смены отживших и установления новых политических режимов и экономических укладов» [6, с. 40]. Примечательно то, что даже простые слои населения оказывали буржуазии поддержку, полагая, что с феодальным угнетением будет покончено.

Однако феодальная эксплуатация (с ее прямым налоговым гнетом) довольно быстро сменилась на новые методы политического и экономического давления (имущественный ценз при ограничении права голосования, меры капиталистической налоговой системы, меры административной и уголовной ответственности в случае нарушений нового законодательства и т.д.).

Европейские буржуазные революции XVII-XVIII вв. породили такой тип экономического насилия как развитие дикого капитализма, в условиях которого, жажда наживы закабаляла широкие слои населения. К примеру, английская аристократия XVII в., желая поправить свое финансовое состояние осуществляла так называемый процесс огораживания, в ходе которого свободные крестьяне изгонялись с собственных земель, на которых в последующем организовывали овечьи фермы (продажа сукна, как известно, в Европе того времени приносила большую прибыль). Если местные крестьяне пытались воспрепятствовать этому, то на этот счет в английском законодательстве находились правовые нормы, которые легализовывали процесс огораживания. Речь уже не идет о российском крепостном праве, которое в течение семи веков демонстрировало вампирскую сущность государственной крестьянской политики.

Если легитимация мер гос. принуждения в европейских странах имела достаточно гуманные черты, то подобные акции в отношении колониальных владений в Азии и Африке стали обретать антигуманную направленность (к примеру, британская политика XVII-XIX вв. в плане игнорирования интересов индийского населения уже XIX-XX вв. трансформировалась в феномен национализма и межрелигиозной вражды между индийцами и пакистанцами, более того, Индия и Пакистан в наши дни обзавелись ядерным оружием). Более того, колониальные страны Востока на много веков оказались ареной грабительской европейской политики.

Поэтому довольно непросто осознать факт того, что Европа, в глубине которой еще в XIV века зародился гуманизм как культурный феномен с его гуманистическими ценностями, уже в XVII-XVIII вв. сама стала местом взращивания плодов агрессивно-захватнической внешней политики. Недаром ряд ученых полагают, что большинство элементов новоевропейской политики эпохи колониальных захватов в наши дни сохранились, трансформируясь в неокOLONIALИЗМ с более гуманным лицом, но с той же античеловечной направленностью.

Период Новейшей истории – это вовсе отдельная глава в развитии и легитимации политического насилия. Так, к примеру, только в истории России XX века в первые его два десятилетия произошло три революции и одна гражданская война, людские потери которых превысили сумму предыдущих кровавых событий. Исключение составила только Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г., в ходе которой смена политической власти произошла мирным путем. Последующие события продемонстрировали оправдательную политику новой советской власти в рамках применения массового революционного террора в виде казней, репрессий, а в дальнейшем и депортаций целых народов. Недаром видный теоретик революционной практики Л. Троцкий считал смертную казнь легализованным убийством. По его мнению, государство применяет ее для того, «чтобы во время войны превратить общеобязательную заповедь: «не убивай!» в свою противоположность» [7, с. 110].

Другим классическим примером активизации политического насилия явились события 30-х годов в Германии, когда в результате поражения в Первой Мировой войне, а также негативного влияния мирового экономического кризиса 1929-1933 гг., в немецком обществе обнажилась потребность в новых кардинальных преобразованиях, которая, к сожалению, была заполнена идеологией и политикой национал-социализма. Именно немецкое общество того периода встретило с восторгом социально-экономические преобразования правительства А. Гитлера (способствовавшие преодолению безработицы, активизации промышленного производства, улучшению положения фермеров, укреплению обороноспособности страны и т.д.), а в дальнейшем и одобрило его захватническую политику в Европе и СССР. К счастью, период существования фашистско-гитлеровского режима не был долговременным. Поэтому важно понимать, что «роль политического насилия как способа поддержания политической стабильности носит временный и относительный характер, ибо, в конечном счете, приводит к отчуждению акторов политического процесса друг от друга» [8, с. 77].

И, казалось бы, что угроза коричневой чумы канула в лето. Однако на смену фашизму первой половины XX века с его преступной содержательностью пришла политика двойных стандартов со стороны современных западных держав, которая по сей день несет не менее раз-

рушительную силу массового насилия в развитии мировой политики. К примеру, это агрессия НАТО в Югославии 1999 г., свержение американцами режима С. Хусейна в Ираке 2003 году и М. Каддафи в Ливии 2011 году, одобрение антиконституционного переворота на Украине 2012 года, поддержка так называемой умеренной оппозиции в Сирии при одновременном финансировании террористического государства ИГИЛ с целью ликвидации негодных правительств в данном регионе и т.д. Примечательно то, что осуществление подобной агрессивной американской внешней политики имеет как внутреннюю оправданность (американские избиратели слепо верят в военную защиту пресловутой американской модели демократии в разных точках земли миллиардные налоги которых идут на финансирование различных военных операций), так и внешнюю поддержку в лице маловлиятельного ООН и их сателлитов по Евросоюзу.

Политическое превосходство рождает превосходство экономическое. Поэтому весьма интересным способом легализации массового насилия в эпоху глобализации стали экономические санкции. На первый взгляд может показаться, что данные меры не имеют ничего общего с феноменом массового насилия. Однако это не совсем так. Каждое государство осуществляет собственную торгово-финансовую политику, которая нацелена на усиление экономического потенциала страны. В то же время определенным крупным игрокам мировой политики не совсем по нраву столь независимый курс отдельных государств. И в силу усиливающейся экономической независимости у менее слабых государств возникает возможность укрепить свое региональное экономическое влияние. Поэтому на смену ушедшему периоду открытой военной интервенции (к примеру, интервенция стран Антанты в Советскую Россию 1918 г.) грядет эпоха интервенции экономической, которая, находя мощную преграду на своем пути, трансформируется в так называемые экономические санкции. Экономические санкции, по сути, есть оправдание современного массового насилия, но не физического, а финансового характера. Именно они стали популярным средством наказания стран за сопротивление ими политики насаждения западных политических ценностей через экономические рычаги давления. Так уж сложилось, что Соединенные Штаты Америки в наши дни взяли на себя функцию вершителя экономических судеб всего мира посредством осуществления соответствующих акций, напри-

мер в отношении Северной Кореи с 1953 г., Кубы с 1962 г., Ирана с начала 90-х гг., а сейчас в отношении России).

Не менее опасной тенденцией массового насилия в современную эпоху также явился феномен терроризма. Недаром именно он является одной из глобальных проблем современности. Невзирая на деятельность международных политических и военных организаций, препятствующих распространению столь массового социального зла, международный терроризм продолжает расширять свои географические рамки. Зверства современных террористов порой сравнимы с убийствами средневековых палачей (к примеру, массовые казни мирных граждан активистами ИГИЛ в 2015 г.). Интересно и тот факт, что бедное население стран Ближнего Востока и Африки оказываются заложниками психологии того, что терроризм рассматривается как единственный способ борьбы с западной угрозой, хотя в их официальном законодательстве терроризм уголовно наказуем. Как в этой связи писал Е.М. Поляков: «В переходных обществах нелегитимное насилие часто принимает форму терроризма и в определенном смысле, похоже на насилие в примитивных племенах» [9, с. 235]. Трудности борьбы с угрозами международного терроризма заключается не только в том, что часть западных держав сами являются спонсорами его филиалов, но и в том, что зачастую терроризм имеет деструктивную религиозную идеологию, которая словно вирус проникает в массовое общественное сознание, избавиться от которого крайне трудно, а порой и невозможно.

Таким образом, исходя из вышесказанного, мы пришли к выработке следующих важных выводов:

1. Первобытная эпоха явилась началом сперва индивидуального, а затем и массового применения насилия. Понимание насилия в первобытном обществе ассоциировалось не как отклонение от каждодневных норм поведения, а как вынужденная мера в виде системы действий, направленных на минимизацию угроз как со стороны соседей, так и соплеменников. И если на первых порах, подобные действия способствовали функционированию инстинкта самосохранения, то в дальнейшем явно вырисовывался принцип: «лучшая оборона – это нападение». К сожалению, именно такое понимание насилия вскоре было взято на вооружение вождями, а различные проявления легитимации массового насилия стали логическим продолжением реали-

зации их власти, основанной на грубой силе и устрашении.

2. Оправдание массового насилия в эпоху рабовладельческого строя явилось особым актом человеческой истории, в рамках которого ширились не только масштабы массового насилия, но и его методы. Рабовладельческое насилие преподносило себя как освещенную богами волю правителя по управлению большими массами людей, что, по сути, являлось тиранией. Однако с позиций реализации политических целей, данное насилие достигало вполне определенных результатов, а в дальнейшем и одобрялось самими гражданами (классическим примером служила военно-политическая мощь Римской империи). В наше время, к сожалению, это трансформировалось в политику неокOLONИализма.

3. Проявление массового насилия и сопровождающая при этом риторика его оправдания в период средних веков по своей губительной энергии превысила все предыдущие исторические эпохи. Во-первых, потому, что этому способствовала его экономическая подоплека (рабский труд был заменен более щадящими мерами эксплуатации). Во-вторых, все более узилась область безопасного существования граждан, что способствовало усилению института вассальных отношений. И, в-третьих, злоупотребления религиозными рычагами управления обществом расширяли масштабы всенародно одобряемой политики элиты на прямой захват территории соседних государств (к примеру, это крестовые походы). Массовое насилие в подобных условиях уже не нуждалось в своем оправдании, поскольку оно уже планомерно вплелось в ткань каждодневных общественных процессов.

4. Эпоха Нового времени (XVII-XIX вв.) при осуществлении оправдания массового насилия отошла от предыдущего дикого и оголтелого применения силы, поскольку общества передовых стран той эпохи шагнули вперед в рамках своего интеллектуально-культурного развития. Оправдание массового зла уже стало прибегать к ухищренным методам в виде определенных экономических и политических концепций, породивших становление капиталистической модели экономики с ее на первых порах антигуманной направленностью, революционных мер по преобразованию устаревшей действительности, а также ярко захватнической сущностью колониальной политики Запада в отношении Востока.

5. Период Новейшей истории (XX – нач. XXI вв.) предоставил миру парадоксальную си-

туацию: с одной стороны, он породил гуманизацию системы права и механизмов экономических отношений, а также рождение новых социальных движений, нацеленных на защиту прав человека; с другой – это новый виток социальных потрясений в виде более кровавых революций, гражданских войн, региональных и планетарных военных конфликтов и т.д. Один только феномен современного международного терроризма вызывает ужас по поводу количества жертв, и негодования по поводу отсутствия конкретного врага. К сожалению, невзирая на деятельность многочисленных гуманистических организаций (например, комитета Международного красного креста и полумесяца, миротворческих миссий ОБСЕ, подразделений ООН и т.д.) оправдание массового насилия осуществляется на основе политики «двойных стандартов» в трактовке норм международного права, подмене воли народа корыстными амбициями правящей элиты, желанием ряда стран построить однополярную систему миропорядка и т.д.

Таким образом, проблема оправдания массового насилия в историческом развитии является довольно интересным объектом изучения, тре-

бующейдачи новой объективной оценки причин, генезиса и преодоления того разгула массового социального насилия, которое из глубины веков все с большей силой проникает в нашу современную действительность. Однако не следует воспринимать все пессимистично: было бы ошибкой полагать, что вся человеческая история есть лишь история социального насилия. На смену социальным катаклизмам всегда приходили периоды перемирия, а вместе с тем массового осознания пагубности любого проявления массового социального насилия (войн, революций, гражданских войн, ксенофобии, геноцида представителей тех или иных народов и религий и т.д.). Поэтому если бы социальное насилие имело направляющую линию исторического развития, то человечество изжило и ликвидировало бы само себя. Вместе с тем, важно осознавать необходимость соизмерения сущности содержания политического курса того или иного лидера с системой современных гуманистических ценностей и ограничения политики «двойных стандартов», в рамках которой зачастую находится местооправданию социального насилия со стороны широкой общественности.

Литература

- 1 Насилие и его влияние на здоровье//http://www.who.int/violence_injury_prevention/violence/world_report/en/full_ru.pdf
- 2 Назаретян А.П. Насилие и ненасилие в исторической ретроспективе // Историческая психология и социология истории. – 2008. – № 1. – С. 8-32.
- 3 Гишинский Я.В. Социальное насилие. – СПб.: Алеф-Пресс, 2013. – 185 с.
- 4 Артюх П.И. Вооруженное насилие в международной политике и проблемы его предотвращения в современных условиях // Вестник СевНТУ. – 2009. – Вып. 100. – С. 161-166.
- 5 Красиков В.И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки. – М.: Водолей, 2010. – 200 с.
- 6 Денисов В.В. Философия насилия // Философия и общество. – 2008. – № 1. – С. 39-56.
- 7 Троицкий Л. Их мораль и наша // Вопросы философии. – 1990. – № 2. – С. 105-126.
- 8 Семенова Р.У. Понятие «насилие»: некоторые основания концептуализации содержательного смысла // Вестник ОГУ. – 2005. – № 7. – С. 74-79.
- 9 Поляков Е.М. Насилие и политический терроризм в современном мире // Политическая концептология. – 2013. – №2. – С. 230-246.

References

- 1 Nasilie i ego vlijanie na zdorov'e//http://www.who.int/violence_injury_prevention/violence/world_report/en/full_ru.pdf
- 2 Nazaretjan A.P. Nasilie i nenasilie v istoricheskoj retrospektive // Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii. – 2008. – № 1. – S. 8-32.
- 3 Gilinskij Ja.V. Social'noe nasilie. – SPb.: Alef-Press, 2013. – 185 s.
- 4 Artjuh P.I. Vooruzhennoe nasilie v mezhdunarodnoj politike i problemy ego predotvrashhenija v sovremennyh uslovijah // Vestnik SevNTU. – 2009. – Vyp. 100. – S. 161-166.
- 5 Krasikov V.I. Nasilie v jevoljucii, istorii i sovremennom obshhestve. Ocherki. – M.: Vodolej, 2010. – 200 s.
- 6 Denisov V.V. Filosofija nasilija // Filosofija i obshhestvo. – 2008. – № 1. – S. 39-56.
- 7 Trockij L. Ih moral' i nasha // Voprosy filosofii. – 1990. – № 2. – S. 105-126.
- 8 Semenova R.U. Ponjatie «nasilie»: nekotorye osnovanija konceptualizacii sodержatel'nogo smysla // Vestnik OGU. – 2005. – № 7. – S. 74-79.
- 9 Poljakov E.M. Nasilie i politicheskij terrorizm v sovremennom mire // Politicheskaja konceptologija. – 2013. – № 2. – S. 230-246.